

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

**Экзистенциальный томизм Ж. Маритена: свобода и субъективность
Югова Ольга Александровна**

Соискатель

*Тверской государственный университет, Исторический факультет, Тверь, Россия
E-mail: goblin-chan@rambler.ru*

Жак Маритен — один из крупнейших религиозных философов современности, основоположник неотомизма. Французский философ исходит из аристотелевско-томистской традиции; в его системе большое место занимает анализ католической доктрины, особое внимание он уделяет рассмотрению трудов Фомы Аквинского и раскрывает томизм как самостоятельную философию, сохранившую свою актуальность и в наши дни.

Сергей Аверинцев пишет: «Маритен не хотел, чтобы его называли неотомистом. «Есть томистская философия, неотомистской философии не существует»; однако в анналах истории философии он остался с именем неотомиста. Для отличения от неотомистов Жильсона иногда называют палеотомистом. Довольно ясно, что при этом имеется в виду — пока «нео» заняты проблемами современности, «палео» выясняют, что, собственно, говорил Учитель и как его надо понимать» [1]. Так или иначе, «нео-» или «палеотомистом» является Маритен, его философия в центральных своих пунктах опирается на учение Фомы Аквинского.

При том, что Маритен — неотомист, в своих философских построениях он непосредственно затрагивает вопросы человеческого бытия, смысла жизни и осмысления человеком себя самого, т.е. экзистенциальные проблемы. Собственную философскую систему он определяет как интегральный гуманизм, но, поскольку он является последователем учения, разработанного Фомой Аквинским, и сам же называет это учение экзистенциальным, мы легко можем допустить, что с его точки зрения интегральный гуманизм близок к экзистенциализму, если не в выводах, то в постановке проблем. При этом необходимо уточнить, как именно французский философ определяет экзистенциализм.

Маритен двояко трактует понятие «экзистенциализм»: «есть два принципиально различных понимания слова «экзистенциализм». В одном случае утверждается примат существования, но как предполагающего и сохраняющего сущности или природы, как знаменующего собой высшую победу интеллекта и интеллигибельности. Это то, что я рассматриваю как подлинный экзистенциализм. В другом случае утверждается примат существования, но как разрушающего или устраняющего сущности или природы, как демонстрирующего высшее поражение интеллекта и интеллигибельности. Это то, что я рассматриваю как апокрифический экзистенциализм — тот самый современный экзистенциализм, который уже вообще ничего не означает» [3, с. 8-9]. Так, Маритен крайне отрицательно относится к экзистенциализму в его втором понимании, полагая, что такой подход не признает существования объективной меры морального. При этом первое понимание экзистенциализма близко философии Маритена; он говорит о «глубинно экзистенциальном характере томистской этики» [3, с. 34], определяя ее словами основателя томизма, Аквината: «Св. Фома учит, что совершенство состоит в любви милосердия и что каждый должен стремиться к совершенству любви сообразно со своим положением постольку, поскольку он любит. Всякая мораль, таким образом, связана с

тем, что наиболее экзистенциально в мире. Ибо любовь — и это является другой томистской темой — направлена не на возможности и не на чистые сущности: она направлена на существующее, любят не возможное, а то, что существует или предназначено к существованию» [3, с. 34]. В этом смысле Маритен экзистенциалист — как последователь Фомы Аквинского, чье учение он осмысляет как истинно экзистенциальное.

Философ полагает, что «существуют объективные нормы морали, существуют обязанности и правила, поскольку формальная составляющая человеческой морали — это мерило разума» [3, с. 35], он не соглашается на моральный релятивизм, отсекает всякую относительность. Продолжая эту мысль, он утверждает, что без универсального закона нет свободы: «устраняя общее и универсальный закон, устраняют разум, в котором коренится всякая свобода и из которого в человеке исходит столь великое желание, что его не могут в достаточной мере детерминировать никакой мотив и никакая объективная потребность, кроме Блаженства, увиденного воочию» [3, с. 39-40]. Маритен, таким образом, полагает, что свобода человека — в его разуме, и именно разум способен увидеть истинный путь, которым следует идти, и только разум может мотивировать человека к созидательным действиям.

При этом философ оставляет за человеком право ошибаться, отступать от истинного пути. «С христианской точки зрения ошибка — не фатальна. Она включена в план вечной мудрости, однако человеческая свобода остается, по воле Божией, реальной, и она свободна творить добро, которое Бог извечно решил предопределить, или зло, которое Бог извечно решил позволить» [3, с. 414]. Так философ разрешает вопрос о соотношении божественного всеведения и человеческой свободы. Человек не может не ошибаться, и признание его права на ошибку, поправимость ошибки, необходимо, чтобы человеческое действие в принципе было возможным. Но далее Маритен пишет: «однако свобода и ответственность продолжают существовать, а следовательно — и вина» [3, с. 414]. В силу того, что без ошибок человек жить не может, он, как полагает Маритен, имеет право на ошибку, но должен осознавать ее как ошибку и понимать, что в этом его вина. Осознание своей ответственности, и в случае ошибки, вины — это цена свободы.

Так же, как зло — чисто человеческая категория, так и близкие ему понятия философ определяет как субъективные. «Тоска есть достояние субъективности... Тревога, тоска есть не что иное, как форма духовного опыта философа. На своем пути он испытывает и другие состояния, он познает интеллектуальную радость, в которую не проникает ничего человеческого, решающие интуиции и озаряющую уверенность» [3, с. 87-88]. Здесь мы видим несколько неожиданное для гуманиста утверждение — предел стремлений философа — это чисто разумное счастье, в котором нет ничего человеческого. Не напрасно Маритен называет свой гуманизм интегральным; в его философской системе человек не самоценен, даже более того — человеческая субъективность предстает как начало всех проблем. Человек только тогда подлинно живет, когда выходит за свою субъективность, за свои пределы, выходит к разумному началу.

Французский мыслитель отводит настолько высокую роль разуму, что и понятие истины в его философии напрямую связано с разумным познанием. На вечный вопрос о том, что есть истина, философ отвечает, опять же подчеркивая главенство разума, здравого смысла: «Мгновенный ответ здравого смысла гласит, что истина — это то, что есть; или, точнее, поскольку истина познания, о которой идет речь, должна быть сродни познающему разуму, должна быть связана с совершенством этого разума, то

истина есть соответствие разума с тем, что есть. Именно этот ответ станет для нас необходимой отправной точкой; ибо везде, где речь идет об основополагающих вопросах, исходить надо из естественных утверждений здравого смысла» [3, с. 132]. Получается, что истина — это понимание сущего, состояние совершенного разума; истина разумно постигаема. Более того, разум и истина неразрывно связаны между собой и взаимно друг друга определяют. «Разум истинен постольку, поскольку постигает вещи такими, каковы они есть. Но и вещи истинны постольку, поскольку они соответствуют разуму, от которого зависят, — будь это человеческий разум (для творений искусства) или божественный разум (для природы). Истинность разума и истинность вещей остается всегда *adaequatio rei et intellectus* (соответствие вещи и понятия)» [3, с. 142].

Разуму отводится формирующая роль, т.к., например, интеллигибельные сущности (Бог, душа, чистый разум) не имеют материальной формы, однако существуют и вне нашего сознания. Но ничем, кроме разума, мы их охватить не можем.

В заключение следует отметить, что Маритен отделяет экзистенциализм от субъективности, отводя разуму и объективным критериям морали главенствующее место в своей философии. Человеческая субъективность, по его мнению, искажает истину, уводит человека от Бога; человеческая личность имеет ценность лишь постольку, поскольку она — образ Бога. И только божественное всемогущество способно исправить ошибки человека и направить на благо результаты неразумного человеческого выбора. Отождествляя, по сути, разум с Истиной, Маритен не проводит такой аналогии между разумом и Богом, что сблизило бы его с античной трактовкой вопроса; но приблизиться к пониманию Бога, по мысли философа, можно только разумным путем.

Литература

1. Аверинцев С. Между средневековой философией и современной реальностью: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/sred_fil.php
2. Маритен Ж. Знание и мудрость: <http://www.agnuz.info/library/books/knowledge/>
3. Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. М., 2004.

Слова благодарности

Выражаю искреннюю благодарность моему глубокоуважаемому научному руководителю, Борису Львовичу Губману, за неоценимую помощь в научной работе.